

К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя

ВЕЛИКИЙ САТИРИК

Столетие, отделяющее нас от того дня, когда навсегда умолк голос Гоголя, его сатирический смех, низко было не ослабило силу и обаяние его гения. Гоголь был и долгие остается одним из самых живых союзников наших, творчество которого ценно для нас не только своей огромной силой обличения крепостнического строя, но также и тем, что многие образы, созданные его творческой фантазией, продолжают доставлять нам глубокое эстетическое наслаждение своей яркостью, смелостью замысла и высокой гуманностью идей, которые породили их.

В этом убежденном реализме жила певучая романтическая душа, которая создала не только вихорливую поэму о вольном запорожском казачестве — «Тараса Бульбу» или очаровательные по свежести своей «Вечера на хуторе близ Диканьки», привнесшие в неопишущий восторг самого Пушкина удивительным сочетанием в себе фантастики и реального, искриющегося веселья и какой-то нежной романтической приподнятости всего речевого строя, но также и целые страницы — и притом истинно поэтические страницы — в «Мертвых душах». Романтика же эта давала ему возможность создавать в своих произведениях яркие, незабываемые образы сильных, волевых натур, противопоставляемых им образам жалких обывателей и презренных «существователей».

Этим романтическим пафосом Гоголь мечтал увлечь своих современников, поднять их над трясиной той страшной обывательщины, в которой, от пустоты своего ничтожного бытия, из-за совершенного пустяка поссорились и долгие годы судились друг с другом некогда неразлучные друзья — Иван Иванович Перерепенко и Иван Никифорович Довгочух, или в которой вся сознательная жизнь множества «старо-евреетских помещиков» сводилась только лишь к процессам поглощения всевозможных яств, а затем ко сну и неторопливому пищеварению.

В своем творчестве Гоголь дал широкую сатирическую картину современной ему российской действительности, и герои подавляющего большинства его произведений — это или проходимцы, стяжатели, крепостники, совершеннейшие неучи, невежи, или — их жертвы, часто еще не умеющие возмущаться и бороться за свои человеческие права.

И однако же это несколько не мешает Гоголю видеть родную страну в чудесной перспективе ее развития, ее грядущего величия и немеркнущей славы. Высокой патетикой патриотизма проникнуты заключительные строки первой части его «Мертвых душ», где он, сравнивая Русь с «бойкой необоимой тройкой», обращается к ней с таким восторженным словом: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; премит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и косясь поспрашивают и дают ей дорогу другие народы и государства».

Как замечательно перекликаются с этими словами Гоголя уверенно-пророческие слова «неизвестного Виссария», написанные им в 1840 году о той России, которая будет через сто лет: «Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науку и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Этой верой в огромные потенциальные силы русского народа, этой непоколебимой убежденностью в том, что придет он все же — «настоящий день» — и будет строить свою новую жизнь освобожденный русский человек, — пронизано творчество Гоголя, равно как и литературно-критическая и публицистическая деятельность Белинского, высоко ценившего исключительно самообытный, глубоко национальный сатирический талант Гоголя и считавшего его «главою поэтов», писателем истинно народным.

Но именно этой верой в народ, в соединении с сыновней любовью к нему — мученику и страдальцу — и питается могучая сатира Гоголя, весь его обличительный пафос, направленный против позорнейшего крепостнического строя, против чиновно-полицейского, бюрократического государственного аппарата.

Всеми силами души своей возненавидел Гоголь российский самодержавный строй,

высасывавший живые соки из русского народа, обративший все в жизни в объект купли и продажи — науку, и искусство, и любовь, и дружбу — все. Если в «Невском проспекте» Гоголь содрогается перед страшным фактом продажи женской красоты, то в «Портрете» он произносит смертельный приговор тому общественному строю, который способен и искусство превратить в товар и тем убить самое искусство уничтожить художника, подчинить его власти золота. В «Записках сумасшедшего», устами героя своего, бедного и жалкого чиновника Поприщина, Гоголь выражает недоумение и возмущение всех этих поприщинных тем фактом вопиющей несправедливости, что все блага жизни и все богатство мира достаются одним лишь «камер-юнкерам и генералам», а таким, как они, не дано даже права надеяться на взаимность той, которую полюбил. Почему так? На каком основании? Кто установил такой страшный порядок на этой многогрешной земле?

Все эти вопросы, направленные в адрес жуткой российской действительности и оставленные ею без ответа: сводят с ума или доводят до гибели не одного только Поприщина: сходит с ума и художник Чартков из «Портрета», умирает и самый несчастный из всех маленьких людей в галлерее Гоголя — бедный чиновник Акакий Акакиевич Башмакин из «Шинели», кончает самоубийством и художник Пискарев из «Невского проспекта», — все, они люди не только сильно ушибленные царским строем, но и глубоко опустошенные им. И облик той России, которая формировалась в условиях развивающегося капитализма, внушает Гоголю ужас и отвращение. Здесь все построено на лжи и обмане и на денежном расчете.

Преходящая слава и обманчивый, но головокружительный блеск, порожденные золотом, становятся рычагами зависти, интриг, вероломства и преступлений, направленных против человека. Это именно здесь, в этой атмосфере сухого, бездушного расчета, могли возникнуть такие типы, как всемирно известный герой бессмертного «Ревизора» — Иван Александрович Хлестаков — маленький, ничтожнейший чиновник, человек вдруг и совершенно неожиданно попавший в «ревизоры» и давший полную волю своей распаленной, изголодавшейся фантазии, — разве он и все подобные ему не порождения того самого фантастического Петербурга, в котором в один прекрасный день майор Ковалев потерял свой собственный нос?

Как могли произойти все эти страшные события? Как мог Хлестаков сойти за ревизора и невольно, без преднамеренной цели, олурачить целый город?

Гоголь пристально всматривается в эту жизнь, — жизнь маленьких, придавленных нищетой и бесправием, загнанных людей и, с другой стороны, в жизнь людей, достигших известного положения в системе чиновничье-крепостнического аппарата и потому обалдевших сверх всякой меры — и в то же время трусливых людей, у которых рыльце всегда в пуху, потому что вся их жизнь построена на взятке, людей, которые живут только сплетнями, интригами, перлюстрацией чужих писем, подсиживанием, доносами, а также подхалимством перед сильнейшими и рукоприкладством в отношении к своим подчиненным.

И «Ревизор» открывает перед глазами читателя и зрителя картину тогдашней российской действительности, в которой так расчуждено жилось всем этим сквозник-дмухановским, шпеклиным, земляничкам, ляпкиным-тяпкиным, а также рядовым квартальным свиновым и держимордам. В комедии этой Гоголь действительно сумел «собрать в одну кучу все дурное в России», как же он знал, и «за одним разом» над всеми посмеялся.

Но нарисованный им город, из которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», — еще не вся Россия. В нем нашли свое яркое отражение картины чиновничьей России, те деяния и поступки уездного чиновничества, которые лишь в более усиленном и многократно умноженном виде повторялись повсюду, не исключая Москвы и Петербурга. Но ведь была еще огромная, бескрайняя Россия помещичьего дворянства, которую Гоголь также вознамерился показать хотя бы «с одного боку».

И вот появляются «Мертвые души» — одно из самых изумительных творческих достижений Гоголя, произведение, показавшее всему миру страшный, уродливый облик феодально-крепостнической России и с совершенной убедительностью доказавшее вырождение класса дворян-пеме-

щиков. Каждый отдельный образ в галерее «Мертвых душ», поражающих читателя силой своей художественной выразительности, является одновременно и столь глубоко обобщенным и законченным типом, что и сейчас продолжает казаться нам живым и характерным не только для российской действительности того времени, но также и для сегодняшней действительности капиталистических стран.

Гоголь писал эту печальную картину русской жизни с мучительней болью в сердце, созерцая все происходящее перед его глазами «сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы». Приступая к созданию «Мертвых душ», Гоголь мечтал о том, чтобы силою таланта своего послужить людям, поднять их над болотом пошлости и крайнего невежества. Однако произведение это, по силе и по социальному значению своему, вышло далеко за скромные пределы, определенные ему самим автором: оно явилось не только суровым и беспощадным обвинительным актом, пред явленным крепостничеству, но также и документом огромной певучей силы, отличающим гнилоты и обреченность того общественного строя в целом, при котором могли иметь место такие факты и явления, какие описаны в произведениях Гоголя.

Герцен несколько не преувеличивал, когда писал, что «Мертвые души» потрясли всю Россию. Это, действительно, было потрясающее зрелище — это совершенно исключительный парад моральных уроков, которым государственный строй дал неограниченную власть над людьми, над их душами, над всей их жизнью. Маниловы, собакевичи, коробочки, наздревы, плюшкины — это были ведь не только отдельные личности, — это были также и страшные, уродливые гримасы единого помещичьего лица — лица паразита, неуча, прижимистого скряги, интригана, насильника, хищника-кулака и бесчеловечного эксплуататора.

Отвратительное лицо это, вызывая ужас и содрогание и чувство глубокого стыда во всех благородных сердцах, наводило передовые слои русского общества на мысль о необходимости самой беспощадной борьбы с этим общественным строем, с этим «порядком», в условиях которого погибали все честные, порядочные люди и благоденствуют наздревы, собакевичи, городничие, ляпкины-тяпкины.

Имеет ли какое-либо право на существование общественный строй, формирующий лишь такие и им подобные человеческие экземпляры? Может ли итти вперед и называть себя культурной страна, которая мирится с диким произволом этих держиморд большого и малого масштаба, и не пора ли русскому народу подумать о том, как освободиться от этого постыдного господства мертвых душ над живыми? — вот сумма вопросов, вызываемых всей гениальной сатирой Гоголя, вот те выводы, которые напрашивались сами собою после прочтения вечно живых, неувядающих произведений его и вот за что помнит, ценит и любит его, великого сына своего, весь освобожденный советский народ, — за то, что лирою своей он не только один лишь «чувства добрые» пробуждал, но и за то, что вооружал этот народ в ту мрачную эпоху на борьбу за подлинную свободу, за истинно человеческую жизнь и за то, что сегодня он помогает нам вести непримиримую борьбу за преодоление пережитков прошлого в сознании наших людей.

Недаром величайшие вожди всего передового человечества — Ленин и Сталин в своих трудах и выступлениях так часто обращаются к гениальным творениям Гоголя. В его творческом арсенале они находили острое и действенное оружие, которое наилучшим образом бьет по пережиткам.

Смех Гоголя, обращенный против современного капитализма, становится в этом случае оружием поистине убивающим, уничтожающим, и он, вместе с острой, злой сатирой Шедрина и метким юмором Чехова, является той силой в руках передового человечества, с помощью которой изгоняется всяческая пошлость и пошлость и утверждается великая правда борьбы за настоящую свободу и за истинную человечность.

Тигран АХУМЯН,

заслуженный деятель искусств.